

Касимов Е. В.

**РАСКУЛАЧИВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ В ЧУВАШИИ В 1930-Е ГОДЫ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/19.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 66-69. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

модерна. Расширение творческого потенциала личности видится многими художниками эпохи как важнейший путь преобразования действительности. А одним из способов развития творчества становится слияние приемов и достижений различных искусств. При этом, как свидетельствует А. Белый, обобщая свои наблюдения за культурной ситуацией «Серебряного века», «стремление к синтезу выражается отнюдь не в уничтожении граней, развединающих две смежные формы искусства; стремление к синтезу выражается в попытках расположить эти формы вокруг одной из форм, принятой за центр. Так возникает преобладание музыки над другими искусствами. Так возникает стремление к мистерии как синтезу всех возможных форм» [Белый, с. 142].

Интересным примером синтеза искусств можно считать неосуществившийся замысел Мистерии А. Н. Скрябина. Основной ее идеей стало объединение элементов нескольких видов искусств в одном произведении. Прологом к ней является проникновение отдельных выразительных и композиционных средств одного жанра в другой вид и жанр того же самого искусства (внутрижанровые связи), то есть синтез разных жанров самой музыки, например, симфонии и сонаты. По мнению некоторых исследователей, такой синтез выполнял чисто условную функцию, так как в действительности это был понятийно-терминологический синтез, расширяющий не столько круг художественных средств, сколько ассоциативный ряд в восприятии произведения [Рубцова, с. 358-359]. На этом уровне генезиса музыкального творчества явления интеграции присутствовали также в сфере тематизма произведений (например, в прелюдиях А. Н. Скрябина).

На следующем этапе осуществляется слияние музыкального и поэтического, музыкального и драматургического, музыкального и хореографического творчества, музыкального и вокального творчества («Поэма экстаза» А. Скрябина, балеты «Петрушка», «Весна священная», «Жар-птица» И. Стравинского и т. д.). При этом главенствующую роль продолжает занимать музыка, которая «обнимает собою всевозможные комбинации действительности... и накладывает свою печать на все формы проявления прекрасного» [Белый, с. 95].

Интегративный характер музыки «Серебряного века», создаваемой композиторами символистского толка, обусловлен также особым характером воплощения в ней окружающей действительности. Дело в том, что движение от более низших форм искусства (зодчества, скульптуры и живописи) к более высшим (поэзии и музыке) сопровождается усилением абстрактности передаваемых ими образов окружающей действительности. Более существенным становится символическое указание, «намек» на мотивационные, каузальные, пространственные и временные отношения между объектами или «внутреннюю сторону» образов, по выражению А. Белого. Поэзия и музыка художников-символистов не «привязывает» воспринимающую их аудиторию к какому-либо конкретному и единственно возможному образу, интерпретации, приобретая более субъективный характер. Вместо этого музыка раскрывает и позволяет постичь сущность движения, единство, связующее бесконечные «миры, бывшие, сущие и имеющие существовать в будущем» [Там же, с. 101].

Будучи тонким выражением форм душевной жизни «музыкальный мотив объединяет в себе разнообразные картины аналогического настроения». А вследствие того, что «все искусства встречают аналогичные черты в музыке, ... язык музыки объединяет и обобщает искусство» [Там же, с. 102].

Таким образом, особое символистское мироощущение, столь характерное для многих представителей культуры «Серебряного века» определяет такие тенденции ее развития, как стремление к музыкальности различных видов искусства, поиск ими музыкальных прототипов, сближение и синтез музыкальных и других форм творчества. Музыка при этом становится, с одной стороны, источником концептуального и формального перевоплощения других искусств, а, с другой стороны, творческим началом, позволяющим интегрировать их в рамках одного произведения.

Список литературы

- Белый А.** Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
Гельмгольц. Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки. СПб., 1875.
Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. I.
Рубцова В. В. Александр Николаевич Скрябин. М.: Музыка, 1989. 447 с.
Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Мн.: Поппури, 1999. Т. 2. 832 с.
Ярустовский Б. М. Игорь Стравинский. Л.: Музыка, 1982. Изд. 3-е, доп. 264 с.

РАСКУЛАЧИВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ В ЧУВАШИИ В 1930-Е ГОДЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Касимов Е. В.

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

История раскулачивания крестьянских хозяйств в Советском Союзе относится к темам, которые будут сохранять свою актуальность и привлекательность для исследователей до тех пор, пока существует историческая наука. Это связано не только со значением раскулачивания для социально-экономической истории России, но и с такой отличительной чертой социального познания, как субъективность. Например, каждый

из тех, кто обращается к теме раскулачивания, будет по-своему отвечать на вопрос: привело ли оно, наряду с коллективизацией сельского хозяйства, к «раскрестьяниванию» деревни или нет? При этом вектор ответа во многом будет зависеть от успехов дальнейшего развития аграрного сектора нашей страны. В настоящей статье ставится целью рассмотрение истории изучения раскулачивания крестьянских хозяйств в Чувашии в советской и новейшей региональной историографии, выявление дискуссионных вопросов и определение новых горизонтов для научных изысканий.

В работах, написанных до начала 1990-х гг., борьба с кулачеством рассматривалась как неуклонный курс партии на выкорчевывание корней капитализма в деревне. В соответствии с известной речью И. В. Сталина на научной конференции аграрников-марксистов, переход от политики ограничения и вытеснения кулака из производства к политике «ликвидации кулачества как класса» связывался с успехами коллективизации. Подчеркивая, что колхозы и совхозы в 1929 г. дали товарной продукции больше, чем кулаки в 1927 г., исследователи писали о наличии достаточной материальной базы и массовом характере колхозного движения как двух главных условиях, предопределивших изменение политики в отношении кулачества [Димитриев, с. 168; Очерки..., с. 132; Шумилов, с. 176–177]. Во многих работах насильственная экспроприация кулачества представлялась как ответная (вынужденная) мера партии и правительства на враждебные действия кулаков, развернувших открытый террор против партийных и советских работников, сельского актива, колхозов [Андреев, с. 75; Иванов, 1971, с. 213; Очерки..., с. 130–138; Шорников, 1989, с. 24–26]. Исследователи собрали большой фактический материал в подтверждение вывода о широком распространении в 1921–1932 гг. «кулацкого вооруженного бандитизма» и «кулацкого террора», которые представлялись как наиболее яркое проявление «классовой борьбы» в деревне [Иванов, 1971, с. 207–211; Тимофеев, 1976, с. 154–173; Тимофеев, 1982, с. 70–75]. Наконец, существовала также точка зрения, что раскулачивание проводилось по желанию трудящихся масс крестьянства «в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для социалистического переустройства сельского хозяйства» [Любимов, с. 122].

Поскольку в советской историографии переход к политике «ликвидации кулачества как класса» обычно выводился из успехов коллективизации, немногие исследователи прямо указывали, что раскулачивание сопровождалось резким ростом колхозного движения. В качестве такого редкого исключения можно отметить работу Т. Г. Гусева и В. Н. Любимова, в которой отмечено, что по республике за период подготовки и проведения раскулачивания и выселения кулаков в 1931 г. «коллективизация поднялась на 20%», а в отдельных районах темпы коллективизации были значительно выше [Материалы..., 1957, с. 216].

Во второй половине 1990-х гг. оценки раскулачивания изменились. Оно стало определяться как «орудие практики массовой коллективизации», самая драматичная страница истории коллективизации в республике, когда из среды крестьянства «была насильственно изъята наиболее активная, динамичная, грамотная и предприимчивая часть»; при этом «насильственная экспроприация верхушки сельского общества, нанеся реформе огромный политический вред, привела к ничтожным экономическим результатам» [История..., 2001, с. 150; Михайлов, с. 57; О выселении..., 1993, с. 139–140]. Исследователи указывали на массовый и неконтролируемый характер политики ликвидации кулачества [Клементьев, с. 66–67], видели в ней искусственное нагнетание И. В. Сталиным классовой борьбы в деревне [Григорьев, с. 210].

По мнению автора настоящей статьи, раскулачивание явилось одним из главных факторов форсирования коллективизации в 1930-е гг. Как уже отмечалось в научной литературе, в ходе раскулачивания устранялись конкурентоспособные с колхозами хозяйства; укреплялась материально-техническая база колхозов, в неделимые фонды которых поступали экспроприированные средства производства; закрывалась дорога середняцким слоям в зажиточные, вследствие чего усиливавшийся налоговый пресс толкал их в колхозы; репрессировалась наиболее консервативная и недоверчивая к социальным новшествами часть крестьянства [Ивницкий, с. 104–105].

Количество кулацких хозяйств в Чувашии к началу сплошной коллективизации определяется в историографии, как правило, в 2,8% от общего числа крестьянских хозяйств [Иванов, 1971, с. 200; История..., 2001, с. 89; Очерки..., 1989, с. 121; Шорников, 1989, с. 24]. Однако эта цифра неверна, поскольку в первоисточнике речь шла о зажиточных хозяйствах [ГАСИ 1-31, л. 120]. Собственно кулаков в Чувашии было менее 2%. Так, в 1928/29 финансовом году к обложению в индивидуальном порядке было привлечено 2683 крестьянских хозяйства, в 1929/30 г. – первоначально 3269 хозяйств или 1,8% от общего числа хозяйств [ГАСИ 1-121, л. 26; Трагедия..., 2000, с. 698]. Однако в советской историографии сложились и другие, еще более крайние точки зрения по рассматриваемому вопросу: М. А. Андреев писал о 2,5–3% кулацких хозяйствах и 5–7% зажиточных середняках [Андреев, с. 51; Развитие..., 1960, с. 122]; Г. Н. Крайнов, ссылаясь на В. Н. Любимова, подчеркивал, что доля кулацких хозяйств в Чувашии была выше общероссийской и на начало октября 1928 г. составляла более 6% [Крайнов, с. 21], хотя в книге последнего такой цифры нет, исследователь упоминал лишь о 2–3% [Любимов, с. 109].

Начало экспроприации кулацких хозяйств в Чувашии традиционно относится учеными-историками к февралю 1930 г. В то же время в ряде работ верно отмечено, что раскулачивание в отдельных районах началось во второй половине января, до принятия соответствующих законов [Иванов, 1971, с. 200; Материалы..., 1957, с. 205–207]. Оно проводилось на основе декрета ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 г. «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», предоставившего право конфисковывать имущество у кулаков, уничтожавших скот.

В освещении хода раскулачивания крестьян зимой–весной 1930 г. сложилось три направления. Первона-

чально исследователи ограничивались констатацией факта раскулачивания 2191 крестьянского хозяйства к 20 мая 1930 г., иногда упоминая о допущенных «перегибах» и «ошибках» [Любимов, с. 135; Материалы..., 1957, с. 206; Шумилов, с. 186]. И. Д. Кузнецов и А. М. Шорников представили иную точку зрения: районы республики на основе решений бедняцких групп, собраний колхозников, сельских Советов и районных партийных и советских органов составили списки крестьян, намеченных к раскулачиванию. В список было включено 5653 кулацких и зажиточных крестьянских хозяйств. После тщательной персональной проверки их характеристик Комиссией ЦИК Чувашской АССР в списке осталось всего 2181 хозяйство [Кузнецов, с. 40; Очерки..., 1989, с. 138; Шорников, 1990, с. 69]. Таким образом, здесь по существу замалчивается факт необоснованного раскулачивания значительной части крестьянских хозяйств. Более объективная картина происходивших событий воссоздана в трудах Н. И. Иванова и работах, написанных с конца 1980-х гг. Зимой–весной 1930 г. подверглись раскулачиванию 5656 кулацких хозяйств. После публикации статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» и Постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» были образованы районные и республиканская комиссии по проверке списков раскулаченных и лишенных избирательных прав. Они установили, что многие крестьяне пострадали необоснованно. В итоге комиссия ЦИК Чувашской АССР в списке раскулаченных оставила 2191 хозяйство, остальные были восстановлены (реабилитированы) [Иванов, 1967, с. 22; Иванов, 1971, с. 215; История..., 2001, с. 149; Михайлов, 1997, с. 57–58; Шорников, 1989, с. 27–30]. Исследователи обращают также внимание, что «неправильно раскулаченным» хозяйствам оказалось невозможно вернуть конфискованное у них имущество, а денежные компенсации были значительно ниже реальной стоимости отобранного [Иванов, 1971, с. 215–216; История..., 2001, с. 149].

Общее количество раскулаченных крестьянских хозяйств в большинстве трудов определяется примерно в три тысячи [История..., 1967, с. 77; Любимов, с. 140; Материалы..., 1957, с. 216; Очерки..., 1974, с. 207]. Согласно Г. И. Шумилову, к лету 1930 г. было раскулачено 2191 хозяйство, летом 1931 г. – более трех тысяч хозяйств [Шумилов, с. 186, 193]. По данным Г. Н. Крайнова, в Чувашии к маю 1930 г. раскулачиванию подверглось 2191 хозяйство, а летом 1931 г. – 2793 кулацких семей, больше половины которых были отнесены к третьей группе. Вместе с тем, общее количество ликвидированных кулацких хозяйств исследователь определил традиционно – более трех тысяч хозяйств [Крайнов, с. 92–93, 196]. В работе А. Г. Петрова указывается, что в Чувашии в 1930 г. были привлечены к раскулачиванию собраниями групп бедноты 2275 хозяйств, из них восстановлено в правах 961 хозяйство [Петров, с. 29]. Есть точка зрения, что путем экспроприации было раскулачено 2181 хозяйство, а запрещение кулакам арендовать бедняцкие земли и нанимать батраков, лишение возможности спекуляции хлебом, установление повышенных (индивидуальных и твердых) заданий по сдаче государству хлеба, резкое ограничение ростовщичества, обложение повышенным налогом привело к ликвидации 2107 хозяйств (правда, при этом авторы сделали вывод о 3684 ликвидированных в 1930–1931 гг. кулацких хозяйствах или около 2% от общего количества крестьянских хозяйств) [Очерки..., 1989, с. 138–139].

По данному вопросу необходимо заметить следующее. Более трех тысяч крестьянских хозяйств подверглось раскулачиванию только в 1930–1931 гг., когда оно проводилось главным образом посредством конфискации имущества. Однако на 1 января 1932 г., по данным Наркомфина Чувашской АССР, оставалось 3097 кулацких хозяйств [Сельское..., 1990, с. 247], которые были ликвидированы к концу 1930-х гг. Поскольку происходило это посредством установления нереальных сроков уплаты и заведомо невыполнимых ставок обложения доходов, многократного завышения норм доходности посевов и скота, в данном случае не вызывает сомнения правомерность использования термина «раскулачивание» [Касимов, с. 46–51]. То есть, всего раскулачиванию в 1930-е гг. подверглось примерно 6 тыс. крестьянских хозяйств или 3,4% от их общей численности.

Еще больший разброс точек зрения существует по вопросу о количестве крестьян, выселенных за пределы Чувашии, а именно: летом 1931 г. подверглись выселению 2793 кулацких семейств, 118 семейств были выселены раньше [Любимов, с. 140; Материалы..., 1957, с. 216]; к 1932 г. было выслано 1,5 тыс. хозяйств, из них 1455 – летом 1931 г. [Иванов, 1967, с. 32–33]; к концу 1931 г. были выселены 1455 семейств [Очерки..., 1974, с. 207]; всего выселенными оказались 1452 домохозяев: 74 – весной 1930 г. и 1378 – в 1931 г. [Кузнецов, с. 40]; общее количество семей, высланных из Чувашии, составило 1455, в них насчитывалось 7114 едоков [Михайлов, с. 58; Сельское..., 1990, с. 11; Шорников, 1989, с. 21], в том числе 74 семьи были выселены в 1930 г., 44 – в первом квартале 1931 г., 1337 – в июле–августе 1931 г. [Очерки..., 1989, с. 138–139]. В «Истории Чувашии новейшего времени» указывается, что 74 хозяйства были высланы из республики весной 1930 г., 44 – в марте 1931 г., 1455 – с начала июля до середины августа 1931 г. [История..., 2001, с. 149]. Последняя точка зрения подтверждается данными секретного доклада начальника Чувашского отдела ОГПУ Г. С. Марсельского «О выселении кулаков из пределов Чувашской АССР в июле–августе 1931 г.». Анализ этого документа позволяет объяснить существующие в историографии разночтения. Из доклада видно, что в июле 1931 г. были арестованы 2032 глав кулацких хозяйств. 573 домохозяина не подошли по разным признакам к выселению и всего к высылке были подготовлены 1459 семейств. К моменту составления доклада (10 августа) выселению подверглись 1334 семейства, отправка остальных приостановилась из-за отсутствия вагонов [О выселении..., 1993, с. 123, 130]. Так в литературе возникла точка зрения о 1452 выселенных хозяйствах (74+44+1334). Однако выселение не закончилось к 10 августа, продолжившись чуть позже, и 1455 хозяйств с 7114 едоками – это количество выселенных только в течение июля–августа 1931 г. Тем не менее,

о точном количестве выселенных крестьянских хозяйств говорить пока рано. Помимо выявленных 1573 хозяйств (74+44+1445), имеются свидетельства о выселении небольшого числа раскулаченных семей в мае 1932 г. [Сельское..., 1990, с. 403], после чего выселений не проводилось. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о примерно 1,6 тыс. выселенных крестьянских хозяйствах или 0,9% от общего числа хозяйств.

При рассмотрении проблемы выселения кулацких хозяйств за пределы Чувашии возникает вопрос, почему оно проводилось главным образом летом 1931 г., а не в 1930 г. Одни исследователи связали этот факт с отсутствием до 1931 г. районов сплошной коллективизации [Материалы..., 1957, с. 210, 215], другие – с обострением классово-политической борьбы [Иванов, 1967, с. 32]. В действительности причина была иной. В 1930 г. проводилось массовое выселение кулацких хозяйств из зерновых районов страны, и В. М. Молотов на совещании представителей потребляющих районов РСФСР в ЦК ВКП(б) еще 21 февраля 1930 г. предупредил, что им на выселение большого количества кулаков не следует рассчитывать [Трагедия..., 2000, с. 216].

Таким образом, в отечественной историографии раскулачивания крестьянских хозяйств в Чувашии на сегодняшний день представлен довольно широкий круг вопросов: причины перехода к политике «ликвидации кулачества как класса», формы и методы раскулачивания, количество репрессированных крестьян, социальные и экономические последствия раскулачивания. В то же время, из-за секретности многих документов, вне исследовательской сферы остались такие вопросы, как причины широкого распространения «перегибов» при проведении раскулачивания в начале 1930 г., отношение населения к «палачам и жертвам», социокультурный облик и имущественное положение «кулаков», судьба раскулаченных (где расселялись выселенные крестьяне, кто и когда вернулся на родину, как много из них погибло в ссылке, в каких условиях проживали спецпереселенцы из Чувашии, когда они получили гражданские права). Очевидно, что еще приблизительно наши оценки числа раскулаченных крестьянских хозяйств и выселенных за пределы республики. То есть, проблема раскулачивания ждет своих добросовестных исследователей.

Список литературы

- Андреев М. А.** Социалистическое преобразование сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956. 256 с.
- ГАСИ ЧР** (Государственный архив современной истории Чувашской Республики). Ф. П–1. Оп. 8. Д. 31.
- ГАСИ ЧР.** Ф. П–1. Оп. 11. Д. 121.
- Григорьев В. С.** Взаимодействие политики и народных традиций: социально-политическая роль органов крестьянской взаимопомощи в России 1921–1941 гг. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ин-т, 1997. 247 с.
- Димитриев В. Д.** Чувашия в год великого перелома // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1955. Вып. XI.
- Иванов Н. И.** Коммунисты – организаторы и руководители колхозного движения в Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1967. 64 с.
- Иванов Н. И.** Ликвидация кулачества как класса // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1971. Вып. 1.
- Ивницкий Н. А.** Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.
- История Чувашии новейшего времени.** Чебоксары: ЧГИГН, 2001. Кн. 1. 1917–1945. 263 с.
- История Чувашской АССР.** Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1967. Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. 279 с.
- Касимов Е. В.** Повышенное налогообложение крестьян Чувашии как средство раскулачивания в 1930-е гг. // Социально-экономическое развитие Чувашии: теория и практика. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2004. Вып. 4.
- Клементьев В. Н.** Советы Чувашии и массовая коллективизация деревни (1929–1932 гг.): переосмысление традиционных подходов // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке. Чебоксары: ЧГИГН, 1997.
- Крайнов Г. Н.** Комсомол Поволжья – активный помощник Коммунистической партии в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. 1929–1937 гг.: на материалах Марийской, Удмуртской, Чувашской АССР: дисс. ... к. и. н. Л., 1986. 215 с.
- Кузнецов И. Д.** Некоторые особенности сплошной коллективизации сельского хозяйства Чувашской АССР // Вопросы истории социалистического преобразования и развития сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1985.
- Любимов В. Н.** Социалистическое преобразование Советской Чувашии. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1955. 232 с.
- Материалы по истории Чувашской АССР.** Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. Вып. 3. История Чувашии советского периода с 1917 г. до конца 1930-х годов. 266 с.
- Михайлов В. М.** Сельскохозяйственная реформа в Чувашской АССР во второй половине 20-х–30-е годы // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке. Чебоксары: ЧГИГН, 1997.
- О выселении кулаков из пределов Чувашской АССР в июле–августе 1931 г.: из доклада ОГПУ при СНК Чувашской АССР // Вестник Чувашской национальной академии.** Чебоксары, 1993. № 1.
- Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашской АССР.** Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. Ч. 1. 302 с.
- Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ /** отв. ред. Н. Е. Егоров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 544 с.
- Очерки истории Чувашской областной организации КПСС /** редакционная коллегия: И. П. Прокопьев (пред.) и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 628 с.
- Петров А. Г.** Ограничение прав и свобод сельского населения в период коллективизации // Права человека: история и современность. Чебоксары: ЧФЮИ МВД России, 1998. Ч. 1. 96 с.
- Развитие экономики и культуры Чувашской АССР.** Чебоксары: ЧНИИ, 1960. 328 с.
- Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР. 1920–1937 гг. (осуществление коллективизации):** сборник